

Прошлое

Консьерж не улыбнулся, увидев меня. Эта мысль не дает мне покоя всю дорогу, пока я еду на лифте до нужного этажа. С тех пор как Итан переехал в этот многоквартирный дом, Винсент был моим любимым швейцаром. Он всегда улыбается, болтает со мной. Но сегодня он просто открыл дверь и с терпеливым выражением лица ждал, пока я войду. Даже не сказал: «Привет, Квинн. Ну как съездили?»

Наверное, у всех нас бывают не самые удачные дни.

Я смотрю на телефон: семь с минутами. Итан должен прийти в восемь, так что мне хватит времени, чтобы удивить его ужином. *И своим присутствием.* Я вернулась на день раньше, но решила ему об этом не сообщать. Мы так усиленно планировали нашу свадьбу, что прошло уже несколько недель с тех пор, как мы вместе ели настоящую домашнюю еду. И даже с тех пор, как занимались сексом.

На этаже Итана я выхожу из лифта и замираю. По лестничной клетке прямо перед дверью квартиры Итана расхаживает какой-то тип. Делает три

шага, останавливается и смотрит на дверь. Три шага в другую сторону — и снова остановка. Я смотрю на него и жду, что он отвалит. И не думает. Ходит и ходит взад-вперед и пялится на дверь Итана. На приятеля Итана он как-то не похож.

И потом, будь он приятелем, я бы его опознала.

Я подхожу к двери и откашливаюсь.

Парень смотрит на меня, а я указываю на дверь Итана, чтобы до него дошло, что меня нужно пропустить. Он отступает в сторону, и я подхожу к двери, стараясь больше не встречаться с ним взглядом. Роюсь в сумочке в поисках ключа.

Наконец нахожу, и тут этот тип подходит и кладет ладонь на дверь.

— Вы собираетесь войти?

Я смотрю на него, перевожу взгляд на дверь. С какой это стати он спрашивает? Сердце начинает бешено колотиться. Итак, я стою в коридоре наедине с незнакомым типом, который интересуется, собираюсь ли я войти в пустую квартиру. *Знает ли он, что Итана нет дома? Знает ли он, что я одна?*

Я снова откашливаюсь, пытаюсь скрыть страх. Тип, вообще-то, с виду безобидный. Но не думаю, что на бандите должно быть написано, что он бандит, так что кто его знает?

— Здесь живет мой жених. Он там... внутри, — вру я.

Парень энергично кивает.

— Да уж. Еще как внутри. — Сжав кулак, он бьет по стене рядом с дверью. — Внутри моей гребаной подружки.

Все твои совершенства

Когда-то я ходила на курсы самообороны. Инструктор научил нас просовывать ключ сквозь пальцы острым концом наружу, чтобы в случае нападения ткнуть обидчика в глаз. Я проделываю маневр с ключом, чтобы быть во всеоружии, если этот псих на меня накинется.

Он делает выдох; воздух наполняется заметным ароматом корицы. Что за странные мысли меня посещают за секунду до нападения? Что за странные объяснения я буду давать в полиции? «Нет, я правда не помню, во что он был одет, но у него изо рта так приятно пахло! Как газировкой».

— Вы ошиблись квартирой, — говорю я ему, надеясь, что он уйдет не возражая.

Он мотает головой. Короткие, быстрые движения как будто должны показать, насколько я заблуждаюсь и насколько он прав.

— Я не ошибся квартирой. Я точно знаю. Ваш жених ездит на синем «вольво»?

Интересно, он что, следит за Итаном? У меня пересохло во рту. Глотнуть бы воды.

— Он около шести футов ростом? Черные волосы, носит куртку «Норт Фейс», которая ему великовата?

Я прижимаю руку к животу. *Глотнуть бы водки.*

— Ваш жених работает у доктора Ван Кемпа?

Моя очередь мотать головой. Итан не просто работает у доктора Ван Кемпа. Доктор Ван Кемп — его отец. Откуда этот тип столько знает об Итане?

— Моя подружка работает вместе с ним, — говорит он, с отвращением глядя на дверь. — И не только работает, ясное дело.

— Итан не стал бы...

Мне не дают договорить характерные звуки. Постельные.

Я слышу, как кто-то тихо произносит имя Итана. Но тихо оно звучит только по эту сторону двери. Спальня Итана находится в задней части квартиры. Кем бы ни была эта девка, она не молчит. Она выкрикивает его имя.

А он ее тряхает.

Я вмиг отшатываюсь от двери. Да, это на самом деле происходит в квартире Итана, от чего у меня кружится голова.

Мой мир зашатался. Прошое, настоящее, будущее — все выходит из-под контроля. Парень хватает меня за руку, чтобы поддержать.

— С вами все в порядке? — Он подводит меня поближе к стене. — Извините. Не стоило мне это так сообщать.

Я открываю рот, но не могу выдать ничего, кроме сомнений.

— Вы... вы уверены? Может быть, это не из квартиры Итана. Может быть, это парочка в соседней квартире.

— Очень убедительно. Соседа Итана тоже зовут Итаном?

В его тоне звучит сарказм, но по глазам я вижу, что он тут же пожалел о том, что сказал. Очень мило с его стороны — найти в себе силы для со-

Все твои совершенства

чувствия мне, притом что сам явно испытывает то же самое.

— Я ехал за ними, — сказал он. — Они там вдвоем. Моя девушка и ваш... друг.

— Жених, — поправляю я.

Я иду по коридору, прислоняюсь к стенке и в конце концов соскальзываю на пол. Наверное, мне не стоило так плюхаться, потому что я в юбке. Итану нравятся юбки, вот я и решила сделать ему приятное, но теперь мне хочется содрать с себя эту юбку, обмотать вокруг его шеи и задушить. Я так долго смотрю на свои туфли, что даже не замечаю, что парень сидит на полу рядом со мной, пока он не подает голос.

— Он вас ждет?

Я качаю головой.

— Думала сделать сюрприз. Меня не было в городе, уезжала с сестрой.

Из-за двери доносится еще один приглушенный крик.

Парень рядом со мной съеживается и затыкает уши. Я тоже.

Так мы и сидим. Стараясь ничего не слышать, пока все не закончится. А закончиться должно скоро. Итана надолго не хватает.

Две минуты спустя я говорю:

— Думаю, у них все.

Парень убирает ладони от ушей и роняет руки на колени. Я обхватываю себя, кладу подбородок на сплетение рук.

— Может, откроем дверь моим ключом? И посмотрим им в глаза?

— Не могу, — говорит он. — Сначала мне нужно успокоиться.

Он выглядит довольно спокойным. Большинство моих знакомых мужчин выломали бы дверь в мгновение ока.

Я тоже не уверена, что хочу смотреть Итану в глаза. Лучше всего сейчас уйти и притвориться, что ничего не произошло. Написать ему, что я приехала домой раньше, а он бы ответил, что работает допоздна, и я оставалась бы в блаженном неведении.

А еще можно просто пойти домой, сжечь все его вещи, продать свадебное платье и заблокировать его номер.

Нет, мама бы никогда этого не допустила.

О боже! Мама.

Я испускаю стон, и парень тут же выпрямляется.

— Тебя что, тошнит?

Я качаю головой.

— Нет. Не знаю. — Я поднимаю голову и прислоняюсь спиной к стене. — Просто представила, как взбесится мама.

Он немного успокаивается, поняв, что я не собираюсь помирать, а просто продвигу реакцию мамы, когда она узнает, что свадьба отменяется. Потому что никакой свадьбы, конечно же, не будет. Я уже сбилась со счета, сколько раз она упоминала задаток, внесенный за одно только место в очереди в шикарный отель, где намечалось свадебное торжество. «Ты хоть представляешь, сколько людей хотели бы пожениться в “Дуглас Уимбер-

Все твои совершенства

ли Плаза”? Там выходила замуж Эвелин Брэдбери, Квинн. Эвелин Брэдбери!».

Мама любит сравнивать меня с Эвелин Брэдбери. Ее семья более знаменита, чем семья моего отца. Таких семей в Гринвиче раз-два и обчелся. Поэтому мама, конечно же, не упускает случая упомянуть Эвелин Брэдбери как пример совершенства высшего класса. Мне наплевать на Эвелин Брэдбери. Я почти готова немедленно написать маме и поставить ее перед фактом: свадьбы не будет, а на Эвелин Брэдбери мне наплевать.

— Как тебя зовут? — спрашивает парень.

Подняв глаза, я понимаю, что впервые вижу его по-настоящему. Несмотря на то что сейчас явно один из худших моментов в его жизни, он неизменно хорош собой. Выразительные темно-карие глаза под цвет взлохмаченных волос. Волевая челюсть, которая то и дело подергивалась от безмолвной ярости с момента, когда я вышла из лифта. Полные губы, которые то сжимаются, то разжимаются каждый раз, когда он смотрит на дверь. Мне интересно, смягчилось бы выражение его лица, если бы он не застукал свою девушку с Итаном. И еще в нем есть какая-то грусть. Никак не связанная с нашей нынешней ситуацией. Что-то более глубокое... как будто таящееся в нем. Я видела людей, которые улыбаются одними глазами, а он словно хмурится одними глазами.

— А ты красивее Итана. — Мое замечание заставит его врасплох. Теперь на его лице написано только замешательство — видно, решил, что я к нему

клеюсь (последнее, что сейчас пришло бы мне в голову). — Это не комплимент. Просто я кое-что поняла.

Он пожимает плечами, словно ему все равно, что я там поняла.

— Просто если ты красивее Итана, то, скорее всего, твоя девушка красивее меня. Не то чтобы меня это беспокоило. Может, меня это и в самом деле беспокоит. Это не должно меня беспокоить, но все же хочется знать, нравится ли она Итану больше меня. Из-за этого ли он мне изменяет. Возможно. Извини. Я, вообще-то, не склонна к самоуничтожению, но сейчас я жутко зла и почему-то просто не в состоянии заткнуться.

Мгновение он пристально смотрит на меня, как будто его заинтересовала моя странная логика.

— Саша страшна как смертный грех. На этот счет можешь не беспокоиться.

— Саша? — Я недоверчиво произношу ее имя, затем повторяю его с ударением на последнем слоге. — Саша. Это многое объясняет.

Он смеется, следом смеюсь я, и это самое странное.

Смеюсь, когда следовало бы плакать. Почему я не плачу?

— Я Грэм, — говорит он, протягивая руку.

— Квинн.

У него даже улыбка грустная. Интересно, как он улыбается при других обстоятельствах.

— Я бы сказал, что рад познакомиться с тобой, Квинн, но это худший момент в моей жизни.

Все твои совершенства

Горько, но правда.

— И в моей, — разочарованно говорю я. — Хотя я рада, что познакомилась с тобой сейчас, а не в следующем месяце, после свадьбы. По крайней мере, хоть не буду даром тратить на него брачные обеты.

— Вы должны пожениться в следующем месяце? — Грэм отводит взгляд. — Вот ведь засранец, — тихо говорит он.

— Это точно. — Собственно, я всегда знала, что Итан именно такой и есть. Засранец. С претензией. Но ко мне относится хорошо. *Во всяком случае, мне так казалось.*

Я снова наклоняюсь вперед и провожу руками по волосам.

— Господи, вот ведь мерзость.

Мама, как всегда, очень кстати со своей эсэмэской. Я достаю телефон и читаю:

«Дегустация торта перенесена на субботу, на два часа. Не наедайся перед этим. Итан составит нам компанию?»

Я глубоко-глубоко вздыхаю. Дегустации торта я ждала с нетерпением, считала ее самой важной частью всех свадебных приготовлений. Может, не говорить пока, что свадьба отменяется? И сказать только в воскресенье?

Снизу слышится бряканье, и я переключаю внимание с телефона на двери лифта. Они открываются, и я чувствую, что у меня в горле образуется ко-

мок. Увидев контейнеры с едой, я крепко сжимаю телефон в кулаке. Курьер приближается к нам, и с каждым его шагом мое сердце колотится все быстрее. *Не сыпь мне соль на раны, Итан.*

— Китайская еда? Ты что, издеваешься? — Я встаю и смотрю вниз на Грэма: он все еще сидит на полу и смотрит вверх, на меня.

Я машу рукой в сторону китайской еды.

— Это *мое!* Не его! Это я люблю китайскую еду после секса! — Я поворачиваюсь к курьеру, и он застывает, уставившись на меня и не понимая, идти ли ему дальше к двери. — Отдайте! — Я отбираю у него пакеты. Он даже ни о чем не спрашивает.

Я снова плюхаюсь на пол с двумя пакетами китайской еды и роюсь в них. Какое свинство: Итан просто повторил мой всегдашний заказ.

— Он даже заказал то же самое! Он кормит эту Сашу моей китайской едой!

Грэм вскакивает и вытаскивает из кармана бумажник.

Он расплачивается; несчастный курьер толкает дверь на лестничную клетку, как будто ему не терпится сбежать быстрее, чем на лифте.

— Пахнет хорошо, — говорит Грэм. Он снова садится и хватает контейнер с курицей и брокколи. Я протягиваю ему вилку и позволяю есть из контейнера, хотя курица — мое любимое блюдо. Но сейчас не время жадничать. Я открываю говядину по-монгольски и начинаю есть, хотя и не голодна. Но будь я проклята, если Саше или Итану достанется хоть кусочек.

Все твои совершенства

— Шлюхи, — бормочу я.

— Шлюхи остались без еды, — говорит Грэм. —
Может, оба умрут с голоду.

Я улыбаюсь.

После чего молча ем и думаю, долго ли собираюсь сидеть на лестнице с этим парнем. Я бы предпочла, чтобы дверь открылась, когда меня здесь не будет. Не хочу знать, как выглядит Саша.

С другой стороны, не хотелось бы пропустить момент, когда она откроет дверь и обнаружит, что за ней сидит Грэм и ест ее китайскую еду.

Поэтому я жду. И ем. На пару с Грэмом.

Через несколько минут он ставит контейнер на пол, лезет в пакет и выуживает два печенья с предсказаниями.

Одно он протягивает мне, другое раскурочивает сам. Разломив печенье, он разворачивает полоску бумаги и читает свое предсказание вслух: «Сегодня тебе повезет в крупном деловом начинании». Прочитав, он складывает пророчество пополам.

— Самое оно. Сегодня я как раз слинял с работы.

— Дурацкое предсказание, — бормочу я.

Грэм скатывает бумажку в крошечный шарик и швыряет им в дверь Итана. Я разламываю свое печенье и достаю предсказание. «Если прольешь свет на свои недостатки, все твои совершенности померкнут».

— А это мне нравится, — говорит он.

Я следую его примеру: комкаю предсказание и швыряю в дверь.